

«Не худое подражание»

*За что Константин Батюшков не был принят
в Вольное общество любителей словесности,
наук и художеств*

ИСТОРИЯ ВОПРОСА В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

К числу наиболее загадочных страниц биографии Константина Батюшкова (и вместе с тем — к числу наиболее загадочных эпизодов русской литературной жизни начала XIX века вообще) принадлежит история его сотрудничества с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств. Исследовательская традиция придает факту участия молодого поэта в деятельности этой организации особое значение: если верить устоявшимся мнениям, Вольное общество в биографии Батюшкова сыграло примерно ту же роль, что «Арзамас» и «Зеленая лампа» вместе взятые в биографии Пушкина. Насколько это мнение справедливо?

Первые упоминания о связи Батюшкова с Вольным обществом появились вскоре после смерти поэта — в мемуарном этюде Н. И. Греча. Вспоминая об оживлении деятельности Вольного общества на рубеже 1800–1810-х годов, Греч писал: «Вскоре оно обогатилось новыми членами. В числе их были Д. Н. Блудов, Д. П. Северин, К. Н. Батюшков...»¹ Н. И. Греч (сам ставший членом Вольного общества в 1810 году) — мемуарист обычно чрезвычайно точный. И действительно, факт участия Батюшкова в Обществе со временем был подтвержден документально: Н. С. Тихонравов обнародовал материалы, посвященные скандалу вокруг речи Д. В. Дашкова, произнесенной в «похвалу» графу Хвостову на заседании Вольного общества в марте 1812 года. Как свидетельствуют опубликованные Тихонравовым документы, среди тех, кто присутствовал на экстренных заседаниях, посвященных этому инциденту

¹ Северная пчела, 1857, № 125. С. 587.

и закончившихся исключением Дашкова из Общества, находился и Батюшков².

С 1887 года начало выходить классическое издание «Сочинений» Батюшкова (под редакцией Л. Н. Майкова), поставившее изучение творчества и биографии поэта на качественно новую основу. В биографическом исследовании Майкова, приложенном к 1-му тому, характеристике Вольного общества и реконструкции отношений с ним юного Батюшкова было посвящено несколько страниц. Майков, между прочим, обратил внимание и на то, что среди участников Вольного общества было несколько сослуживцев молодого поэта: «Служба в одном ведомстве с несколькими из членов Вольного Общества, и еще более — общность литературных интересов, сблизили Батюшкова с этим литературным кружком, и хотя в 1803–1805 годах мы не видим его имени в списке членов Вольного Общества, но можем с уверенностью сказать, что в то время Константин Николаевич был в частых сношениях с этими молодыми представителями литературы в Петербурге»³. Дотошный Майков к своему сообщению об отсутствии имени Батюшкова в списках членов Общества дал и специальную сноску: «Списки эти печатались в адрес-календарях, начиная с 1804 г., но едва ли в полном виде: имени Батюшкова нет ни в одном из списков, а между тем достоверно известно, что он был членом Вольного Общества, например, в 1812 г.» (далее следует ссылка на статью Тихонравова)⁴.

Когда новое издание сочинений Батюшкова подходило к завершению, молодой историк литературы Е. Петухов, занимавшийся биографией А. Х. Востокова, обнаружил весьма интересные материалы в архиве Вольного общества в библиотеке Санкт-Петербургского университета (Л. Н. Майков, по всей вероятности, еще не знал о том, что этот архив сохранился, — в противном случае он, конечно, сам не преминул бы к нему обратиться). Как оказалось, К. Н. Батюшков изъявил

² Тихонравов Н. С. Д. В. Дашков и граф Д. И. Хвостов в Обществе любителей словесности, наук и художеств в 1812 г. // Русская старина, 1884, т. 43, № 7. С. 105–113. Статья перепечатана в изд.: Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. С. 139–146.

³ Майков Л. Н. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова // Батюшков К. Н. Сочинения. Со статьей о жизни и сочинениях Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Саитовым. Т. 1. СПб., 1887. С. 37–38 (1-я пагинация).

⁴ Майков Л. Н. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова. С. 90.

желание вступить в Вольное общество еще весной 1805 года: 22 апреля член Общества Н. Брусиллов сообщил об этом желании сочленам, представив на их суд сочинение Батюшкова «Сатира, подражание французскому». Было определено предложить Батюшкову обратиться в Общество с соответствующей просьбой письменно, а «Сатира» была отдана на рассмотрение цензору (по уставу Общества — что-то вроде внутреннего рецензента с широким кругом полномочий) — А. Востокову. Шестого мая 1805 года Востоков представил Обществу свой отзыв. Текст этого отзыва Е. Петухов опубликовал⁵. Попутно он уверенно идентифицировал сочинение Батюшкова, представленное для вступления в Вольное общество: «Под „сатирой, подражание французскому“, без сомнения, следует разумеать стихотворение Батюшкова „Перевод 1-й Сатиры Буало“...»⁶.

После публикации Е. Петухова вопрос, казалось бы, окончательно был решен и обрел твердое фактическое основание: Батюшков был принят в Вольное общество еще в 1805 году; не напрасно академик Майков сомневался в полноте печатных списков... Д. Д. Благой в «Основных датах жизни и творчества», приложенных к подготовленному им изданию «Сочинений» Батюшкова, уверенно помечает под 1805 годом: «Вступает (22 апреля) действительным членом в „Вольное общество любителей словесности, наук и художеств“»⁷. Не вполне понятно, правда, почему Благой выбрал именно 22 апреля: следуя публикации Петухова, надлежало бы указать по крайней мере 6 мая... Но то ли ученый попросту недосмотрел, то ли решил, что Востоков читал свой отзыв уже после того, как Батюшков был принят «действительным членом», то ли счел дату 22 апреля более привлекательной для советского читателя (и для советских издателей) — как бы то ни было, именно датировка Благого была усвоена советским литературоведением. Н. В. Фридман в 1948 г. писал: «Батюшков вступил в члены общества 22 апреля 1805 года (Л. Н. Майкову была еще неизвестна эта дата)» (далее следует ссылка не на Е. Петухова, как следовало бы ожидать, а на «Основные даты...» Д. Д. Благого,

⁵ Петухов Е. В. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. Х. Востокова // Журнал Министерства народного просвещения, 1890, ч. ССLVIII, № 3. С. 89–90.

⁶ Петухов Е. В. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. Х. Востокова. С. 90.

⁷ Батюшков К. Н. Сочинения. Ред., вступ. статья и комментарии Д. Д. Благого. М.; Л.: Academia, 1934. С. 610.

которые, таким образом, неожиданно приобрели статус первоисточника)⁸. Вл. Н. Орлов в своем исследовании истории «Вольного общества», правда, избегает конкретных дат, но в примечании к приведенному им мемуарному свидетельству Греча (с которого мы начали наш этюд) также дает соответствующее уточнение: «К. Н. Батюшков вступил в Вольное общество еще в 1805 году»⁹.

Принято было и предложенное Петуховым объяснение тому, какое именно стихотворение Батюшкова скрывалось за обозначенным в бумагах Общества заголовком «Сатира». В статье 1948 года Н. В. Фридман писал: «По-видимому „сатира“, о которой идет речь в протоколах общества, — это вошедший в собрание сочинений Батюшкова „Перевод 1-й Сатиры Буало“ (в сущности, он представляет собой далекое подражание оригиналу). Вероятно, „Сатира“ была написана Батюшковым специально для того, чтобы вступить в общество; во всяком случае, он никогда не делал попыток ее опубликовать, и она появилась только в майковском издании»¹⁰. В комментариях Фридмана к «Полному собранию стихотворений» Батюшкова (в «Библиотеке поэта») эта информация лишилась всяких оттенков предположительности и зазвучала как несомненный факт: «Батюшков в 1805 г. представил свой перевод сатиры Буало в „Вольное общество любителей словесности, наук и художеств“, чтобы вступить в его члены»¹¹ (за подтверждением этой информации читатель отсылается... к статье Фридмана 1948 года, в которой, однако, никаких дополнительных документальных данных и аргументов на сей счет нет).

Общепринятая концепция не позволяет, однако, удовлетворительно ответить на несколько вопросов. Почему же все-таки имени Батюшкова нет ни в одном из напечатанных списков членов общества? Почему нет никаких документальных свидетельств его участия в заседаниях Вольного общества

⁸ Фридман Н. В. Батюшков и поэты-радищевцы // Доклады и сообщения филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Вып. 7. М., 1948. С. 42.

⁹ Орлов Вл. Русские просветители 1790–1810-х годов. М.: ГИХЛ, 1950. С. 464.

¹⁰ Фридман Н. В. Батюшков и поэты-радищевцы. С. 43.

¹¹ Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. Вступ. статья, подготовка текста и примечания Н. В. Фридмана. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 264.

хотя бы в том же 1805 году — когда от новоизбранного члена естественно было бы ожидать особой активности?..

И вот здесь уместно задаться еще одним вопросом: а что, собственно, послужило основанием для уверенного вывода о том, что Батюшков в 1805 году был принят в «действительные члены» Общества? Основание единственное — публикация Е. Петухова и, в первую очередь, воспроизведенный в ней отзыв Востокова. Однако создается впечатление, что либо этот отзыв не был внимательно прочитан, либо в нем прочитывалось желаемое, а не действительное. Ведь в отзыве Востокова о Батюшкове говорилось следующее: «...для вступления молодому автору в Общество надобно, по моему мнению, чтоб он Обществу представил еще что-нибудь из трудов своих и притом, если можно, своего собственного сочинения»¹². Похоже ли это на безусловную рекомендацию к избранию?.. Имеем ли мы какие-либо свидетельства, подтверждающие, что Батюшков *выполнил* пожелание Востокова? Нет.

Похоже, необходимая информация была вычитана из документов только потому, что ее страстно хотели «вычитать».

«РАДИЩЕВЦЫ»: КОНТУРЫ МИФА

Образ Вольного общества словесности, наук и художеств (особенно периода 1801–1807 гг.), каким он предстает на страницах историко-литературных исследований, впечатляет своей монументальностью. Основатели Общества связаны с наиболее прогрессивной идеологией эпохи. Большинство его членов — в той или иной мере ученики и наследники Радищева: «...наиболее радикальные из них, как Попугаев и Борн, поднимались до выражения яacobинских идей... Пнин был материалистом, стоявшим на грани атеизма...»¹³. Общество предпринимает ряд масштабных научных и литературных начинаний. От лица Общества выпускается масса изданий; под его контролем в начале века оказывается чуть ли не вся петербургская журналистика — во всяком случае, основная ее часть. В состав Общества входят многие десятки лучших литераторов, ученых и художников; Обществом создана широкая кор-

¹² Петухов Е. В. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. Х. Востокова. С. 90.

¹³ Орлов Вл. Русские просветители 1790–1810-х годов. С. 198.

респондентская сеть, охватывающая практически всю Россию и позволяющая влиять на культурную и общественную жизнь от Балтики до Сибири. Литературная продукция членов Общества — самобытная и новаторская струя в русской словесности, серьезная альтернатива как «архаизму», так и карамзинизму...

Столь значительное и масштабное объединение уже в 1802 году стало возбуждать острый общественный интерес: «На его деятельность начали обращать внимание „посторонние любители словесности“, слухи о его собраниях стали проникать в светские и литературные салоны»¹⁴. С каждым годом этот интерес усиливался. Не удивительно, что с 1804 года Общество стало ареной ожесточенной идейной борьбы между двумя фракциями. «В Обществе боролись две тенденции, два направления, которые в общей форме можно охарактеризовать как радикально-демократическое и либеральное». Первое направление было представлено «пламенно-вольнолюбивым» Попугаевым и примкнувшими к нему И. М. Борном и И. П. Пниным, второе — Д. И. Языковым и группой его приспешников.

Перипетии развернувшейся борьбы оказались окрашены исключительной остротой и подлинным драматизмом. «Языковская группа настойчиво стремилась к захвату президентского кресла» — и небезуспешно: из-за недостаточной сплоченности и решительности «левых» борьба закончилась полной победой «языковской партии». «В годовом собрании 15 июля 1807 года произошло окончательное падение Борна и Попугаева. Они были забаллотированы на выборах; президентом стал Языков, а секретарем Измайлов. Общество вступило в новый период существования и вместе с тем стало приходить в явный упадок <...> 1807-м годом кончается первый, наиболее интересный период деятельности Вольного общества».¹⁵

Такова стандартная схема ранней истории Вольного общества. Общий контур схемы начал складываться еще в начале XX века, но главным ее творцом стал талантливый литературовед Вл. Н. Орлов, завершивший процесс создания канонического образа Вольного общества в фундаментальном издании «Поэты-радищевцы» (1935) и в монографии «Русские просветители 1790–1810-х годов» (1950; 2-е изд. — 1953).

¹⁴ Орлов Вл. Русские просветители 1790–1810-х годов. С. 214.

¹⁵ Орлов Вл. Русские просветители 1790–1810-х годов. С. 227, 235, 243.

Нельзя сказать, чтобы этот образ сразу получил полное и всеобщее признание. «Возвращенец» Д. Мирский в своей рецензии на «Поэтов-радищевцев» упрекнул издателей в конъюнктурном мифотворчестве¹⁶; вскоре, однако, Мирский отправился на каторгу, а концепция Орлова была увенчана Сталинской премией третьей степени. Лишь в середине 1950-х годов Г. П. Макогоненко выступил с развернутой критикой толкования позиции членов ВОЛСНХ как «радищевцев»; самым ценным в его критике было указание на зависимость наиболее радикальных (по Орлову) «радищевцев» от эстетики и даже идеологии Карамзина. Макогоненко упомянул и о более чем скромном литературном значении продукции большинства членов Общества¹⁷. Однако эта критика так и не смогла поколебать оснований устоявшейся схемы: с небольшими модификациями она перешла во все учебники и обобщающие работы.

Теперь становится ясно, почему исследователи Батюшкова так хотели видеть своего героя среди членов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Причастность к деятельности «радищевцев» невероятно повышала кредиты «российского Парни» и его опекунов. В 1948 году Н. В. Фридман на этой почве даже вступил в полемику с В. Н. Орловым — используя его же схему: «Идеология членов общества обладала для Батюшкова большой притягательной силой (Вл. Орлов вообще не прав, утверждая, что поэт „был сравнительно слабо связан с ‘Вольным обществом’“). Батюшкова привлекала не только антишишковистская позиция членов общества <...> но и то политическое „вольномыслие“, которое характеризовало „радищевцев“¹⁸. Эти соображения были повторены и в предисловии к «Полному собранию стихотворений» — с некоторыми, правда, вариациями: Вл. Орлов к тому времени возглавил «Библиотеку поэта», в которой выходил том батюшковских сочинений, — и упреки в недооценке связей Батюшкова с «ра-

¹⁶ *Мирский Д.* Литературно-критические статьи. М.: Сов. писатель, 1978. С. 191–194.

¹⁷ *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М.: ГИХЛ, 1956. С. 680–702 (в особенности с. 686–690). Наиболее сомнительным пунктом в возражениях Макогоненко была интерпретация фигуры самого Радищева как последовательного атеиста, критического реалиста и пламенного революционера. Но это вопрос, выходящий за пределы интересующей нас проблематики.

¹⁸ *Фридман Н. В.* Батюшков и поэты-радищевцы. С. 42.

дищевцами» нашли нового адресата: «Начало литературной биографии Батюшкова ознаменовано его участием в „Вольном обществе <любителей> словесности, наук и художеств“. Явно необоснованным представляется высказывавшееся в до-революционном литературоведении (1) мнение о том, что участие в „Вольном обществе“ не оказало сколько-нибудь заметного влияния на творчество Батюшкова. В действительности традиции русского просвещения, ярко окрасившие деятельность общества, сыграли немалую роль в формировании мировоззрения поэта»¹⁹. Понять Н. В. Фридмана по-человечески можно: превратить «предшественника Пушкина» еще и в «последователя Радищева» значило существенно повысить его в литературном ранге.

Между тем, орловская схема — это своеобразное художественное построение, несущее на себе резкий отпечаток своей эпохи. Жизнеспособность этой схеме придали бесспорный литературный талант ее создателя и ее удивительная созвучность духу времени. Сам Вл. Орлов, повествуя об идейной борьбе двух направлений, составлявшей будто бы главное содержание внутренней жизни Общества, невольно обнажил механизм своих построений: «Многие перипетии этой борьбы неясны, поскольку скудость сохранившихся материалов по истории Вольного общества позволяет больше высказывать догадки и предположения, нежели оперировать точными фактами»²⁰. Догадки и предположения, однако, нередко прямо противоречили точным фактам, отлично известным Орлову.

В результате артистических манипуляций Орлова близкий к консервативному тверскому салону Екатерины Павловны И. М. Борн превратился в лидера «крайней левой» Общества; полуграфоман-полубезумец В. В. Попугаев, почти все свои трактаты преподносивший Александру I и аккуратно получавший за них то перстни, то золотые табакерки, то денежные вознаграждения, стал не больше не меньше как якобинцем; И. Пнин, чей деизм выглядел по меркам начала XIX века даже несколько старомодно, оказался воинствующим атеистом; бескорыстный кабинетный ученый Д. Языков, переводчик Беккариа, Мабли и Монтескье, стал вождем крайне правого крыла Общества, мастером политической интриги и заклятым врагом идеалов Просвещения... При этом самые перипетии

¹⁹ Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. С. 12.

²⁰ Орлов Вл. Русские просветители 1790–1810-х годов. С. 225.

«идейной борьбы» и приемы, которыми пользовались злокозненные языковцы в борьбе за президентское кресло, в описании и интерпретации Вл. Орлова выглядят несколько странно. Например, исследователь утверждает: «После смерти Пнина языковская партия переходит в решительное наступление и вскоре одерживает полную победу»²¹. Однако тут же выясняется, что президентом после смерти Пнина был избран «левый» Борн, а в 1806 году переизбран (с «пламенно-вольнлюбивым» Попугаевым в качестве секретаря!). А «вождь» правой партии Языков, вместо того чтобы пожинать плоды «полной победы», с середины 1806 по середину 1807 года путешествует по России... Таких несообразностей в исследованиях Вл. Н. Орлова десятки.

Вне всякого сомнения, на построения Вл. Орлова оказала решающее влияние атмосфера политических процессов 1930-х годов — когда целые партии и политические движения создавались буквально из ничего. В этой атмосфере даже рассказ о печальном конце радикального общества приобретал надлежащий дидактический оттенок, становился «уроком для современности»: вот что бывает с революционными движениями, когда деятельность правых раскольников изначально не пресекается в корне!²² В общем, Сталинскую премию исследование о «радищевцах» получило заслуженно...

Чтобы придать рассказу о борьбе правых и левых в Обществе драматическую убедительность и поучительность, исследователю понадобился монументальный образ Общества. Так

²¹ Орлов Вл. Русские просветители 1790–1810-х годов. С. 235.

²² На некоторые (далеко не все!) натяжки и несообразности в построениях Вл. Орлова уже указал его однофамилец — покойный П. А. Орлов (см.: Поэты-радищевцы: А. Х. Востоков, И. П. Пнин, И. М. Борн, В. В. Попугаев и другие поэты Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Вступ. статья, биогр. справки, составление и подготовка текста П. А. Орлова. Л.: Сов. писатель, 1979. С. 10–12). П. А. Орлов был осторожным советским историком литературы и «ниспровергать основ» отнюдь не намеревался. Его собственное толкование истории Вольного общества (в частности, «измельчания общественной и литературной деятельности его членов» после 1807 года) во многом вполне соответствует общепринятым схемам. Однако он работал уже в иную эпоху и не имел необходимости — в отличие от своего талантливой предшественника — прибегать к явной лжи. Впрочем, степень независимости историка литературы и в относительно мягкие 1970-е гг. преувеличивать не стоит: по рассказу самого П. А. Орлова, его предложение убрать из заголовка книги формулу «Поэты-радищевцы» редакцией «Библиотеки поэта» было сочтено абсолютно невыполнимым.

и возникла мощная, почти революционная организация с десятками членов, с центральными и периферийными печатными органами, с отделениями по всей России. Между тем, как показывают сохранившиеся протоколы, в период 1801–1807 годов (наиболее плодотворный, согласно Орлову и его последователям) Вольное общество почти никогда не собирало на своих заседаниях больше десяти человек; обычным был кворум из шести-семи участников. Заседания «Арзамаса» (который историками литературы обычно противопоставляется Вольному обществу как подчеркнуто камерная и домашняя организация) нередко были многолюднее...

И еще один немаловажный факт, на котором Вл. Орлов не заострял внимание. Большинство членов Общества были совсем юными людьми, начинающими литераторами, вчерашними студентами. Тридцатилетние Языков и Пнин казались на их фоне почтенными мэтрами. Вольное общество — во многом «игра в Академию», затеянная вчерашними школьниками. Этим обстоятельством во многом объясняются и грандиозность предпринятых обществом начинаний, и то, что почти ни одно из них так и не было воплощено в жизнь, и невероятная страстность в обсуждении самых ничтожных вопросов (для Вл. Орлова это служило подтверждением особого накала идейной борьбы!), и постоянный страх оказаться смешными в глазах публики... Грандиозное Общество при ближайшем рассмотрении оказывается не более чем скромным домашним кружком юных дилетантов...

Мифологизирующая концепция Вл. Орлова привела к характерному искажению истории Вольного общества. В действительности 1801–1807 годы — это не «наиболее интересный» и не «наиболее яркий и плодотворный» период в его истории, а время литературного ученичества его участников, период овладения литературным и философским наследием XVIII века. Время осмысления, переработки или принципиального отталкивания от этого наследия наступит позже. Поэтому 1810–1812 годы, когда Вольное общество станет центром петербургской оппозиции шишковизму и будет выпускать один из лучших русских журналов («Санкт-Петербургский вестник»), представляют неизмеримо больший историко-литературный интерес, чем эпоха «радищевцев». Да и в 1816–1826 годы измайловское Вольное общество играло куда более заметную культурную роль, чем в эпоху «радищевцев»: Баратынский, Ф. Глинка, Н. Языков, А. Бестужев, Орест Сомов, сам Измайлов,

даже В. Панаев и П. Яковлев — фигуры куда более значительные, чем Борн и Попугаев!..²³

Характерно, что в свой карамзинистский период Вольное общество было предметом острого внимания в обеих столицах; над измайловским обществом многие могли подшучивать, но знали его все. А о Вольном обществе 1800-х годов забыли почти сразу же после прекращения его занятий. Во всяком случае, вступив в обновленное Вольное общество в 1811 году, Д. П. Северин и В. Л. Пушкин уже должны были удовлетворять любопытство Вяземского, никогда ничего об этом Обществе не слышавшего (заметим, что и в рассказах его корреспондентов, явно полученных из уст «старых» членов Общества, содержится ряд неточностей)²⁴.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОЗИЦИИ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ

Означает ли это, однако, что Вольное общество любителей словесности, наук и художеств начала XIX века вообще должно быть забыто историками литературы? Конечно, нет. Именно своей переходностью, неоформленностью, ученичеством, переплетением разных литературных тенденций и устремлений оно и представляет бесспорный интерес. Вольное общество — как бы модель тогдашней русской литературной ситуации в целом. История ранних отношений Батюшкова с ним ценна прежде всего как материал для реконструкции эстетического самоопределения поэта в этот переходный период.

Если мы взглянем на деятельность Вольного общества под эстетическим (а не под идеологическим) углом зрения, то мы сможем увидеть в нем присутствие нескольких разнонаправ-

²³ М. Г. Альтшуллер дал Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств такую характеристику: «The society <...> had no serious role in the history of Russian literature» (*Altshuller, Mark. The transition to the modern age: sentimentalism and preromanticism, 1790–1820 // The Cambridge history of Russian literature. Ed. by Charles Moser. Cambridge University Press, 1989. P. 112*). Следует только подчеркнуть, что эта характеристика безусловно справедлива именно по отношению к «радищевскому» периоду, когда Вольное общество существовало как бы за пределами большой литературы; в последующие периоды роль его в литературной жизни все же значительней.

²⁴ См. письма В. Л. Пушкина от 20 декабря и Д. П. Северина от 29 декабря 1811 г. в изд.: «Арзамас»: Сборник в двух книгах. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1994. С. 175–176.

ленных литературных тенденций и, соответственно, несколько группировок. Среди них всего отчетливее выделяются две. Первая — филологически-экспериментаторская, условно говоря, «немецкая». Ее представители не удовлетворены современным состоянием русской словесности и желают ее кардинально переустроить. Образцом для возможных реформ им служит в первую очередь немецкая модель. И это не случайно. Представители этого течения в Обществе — природные немцы, носители двуязычной культуры (как Борн и Востоков), или, по крайней мере, люди, прошедшие через немецкую «школу». Среди их кумиров — Клопшток, Фосс, Глейм и другие немецкие авторы-экспериментаторы, пытавшиеся строить «практику» на основе «теории»²⁵. Им присуще стремление обогатить русскую литературу новыми темами, новыми жанрами и новыми стиховыми формами, главным образом — восходящими к античности. Отсюда — огромное количество стиховых экспериментов, строфических, метрических и ритмических. Наиболее репрезентативные фигуры в этом отношении, конечно, Востоков и Борн, но в орбите их влияния оказываются и А. Г. Волков²⁶, и — отчасти — М. Олешев. Примечательно, что Д. Языков, стихов никогда не писавший, по сути примкнул именно к этой линии: его попытки реформ русской орфографии, по мере сил и возможностей внедрявшиеся в практику Вольного общества (некоторые протоколы периода президентства Языкова написаны без «еров» на конце слов; твердые знаки аккуратно вписывались в старые протоколы позже), отражали ту же коренившуюся в германской филологической мысли XVIII века тенденцию к литературно-языковым реформам. Не напрасно же Языков был поклонником ученых немцев и переводчиком Шлецера!..

Литературно-языковое экспериментаторство этой группы в целом было связано с тенденцией к известной архаизации

²⁵ О немецком контексте литературной теории и практики членов Вольного общества (в частности, Востокова) см.: *Brown, William Edward. A History of Russian Literature of the Romantic Period. Vol. 1. Ann Arbor: Ardis, 1986. P. 171–172.*

²⁶ О литературной продукции А. Г. Волкова мы можем судить сколько-нибудь определенно лишь с самого недавнего времени, благодаря разысканьям А. Л. Зорина и осуществленному им открытию единственной стихотворной книги Волкова «Арфа стихогласная». Ряд стихотворений из этой книги опубликован в антологии: Цветник: Русская легкая поэзия конца XVIII — начала XIX века. Вступ. статья, составление, примечания А. Л. Зорина. М.: Книга, 1987. С. 326–344.

литературного стиля. Но эта архаизация имеет мало общего с «архаизмом» князя Ширинского-Шихматова. Она осуществлялась уже на карамзинистском фундаменте и исходила из представления о том, что карамзинская реформа — свершившийся факт. Своего рода тринитарная формула, определяющая трех значительнейших современных русских поэтов в восточковском «Парнасе» — «Державин, Дмитриев, Карамзин», — в высшей степени характерна для выражения эстетической позиции этой группировки.

Вторая группа была представлена авторами, условно говоря, «французской» ориентации. Они гораздо в большей степени традиционалисты и консерваторы — и, следовательно (таков один из парадоксов начала XIX века!) в гораздо меньшей степени «архаисты», чем их германски ориентированные собратья. Они опираются на нормы, канонизированные в теории позднего французского классицизма и усвоенные карамзинизмом (из этой группировки выйдет такой систематизатор правил словесности, основанных на Батте и Лагарпе, как Н. Остолопов). Они культивируют в основном «средние» жанры — такие, как басня, сказка (*conte*), сатира, а также поэтические мелочи — песню, мадригал, эпиграмму. Впрочем, характерная для эпохи стихия экспериментаторства не обошла стороной и «французов», но их эксперименты носят гораздо более осторожный — по сравнению с Востоковым и Борном — характер. «Французы» и здесь идут уже проторенными (главным образом Карамзиным) путями. Так, А. Измайлов в «Тирсисе» (1805) варьирует карамзинскую «Раису», сохраняя и ее тематику, и мотивы, и метрику, и безрифменный стих, но при этом характерным образом переключает карамзинскую тему из «оссианического» регистра в пасторальный, заменяет преромантическую страстную неистовость на привычную галантную чувствительность. Н. Остолопов в «Бедной Дуне» перекладывает ту же «Раису» карамзинским «народным» стихом, стремясь придать ей национальный — но предельно «приличный» — колорит... Характерно, однако, что и это весьма осторожное экспериментаторство присуще лишь ранним опытам участников группировки... В середине 1800-х годов к этой группе внутри Вольного общества принадлежат, наряду с Измайловым и Остолоповым, А. А. Писарев (в своих «шутливых» стихах) и, в известной степени, Н. Радищев (впрочем, его звездный час был уже позади: наиболее значительные его поэтические опыты относятся к более раннему периоду, до

времени его членства в Вольном обществе; на это правильно указал в своей рецензии на «Поэтов-радищевцев» Мирский). К этой «французской» группе примыкал и прозаик Н. Брусилов: смеясь над крайностями сентиментализма, он следует путями стернианской прозы, пропущенной сквозь традицию вольтеровской повести... Объединяла «французов» с «немцами» общая почтительность к Карамзину, хотя в деятельности Карамзина их привлекали разные стороны.

Наконец, третья литературная тенденция в Вольном обществе представлена авторами, тяготевшими к антропологической и натурфилософской проблематике и, соответственно, к философской и натурфилософской оде. Эта группа неоднородна: например, Ф. И. Ленкевич (баллотировавшийся почти одновременно с Батюшковым), поэт, бесспорно, незаурядный и до конца не реализовавшийся, стремится не просто воскресить ломоносовскую оду (его тексты полны скрытых и прямых цитат из Ломоносова), но предельно архаизировать ее стилистически (ломоносовские духовные оды написаны не в пример более простым языком). При этом архаизмы используются им не как элемент общепринятой традиции, а напротив, как способ *обновления* поэтического языка. В этом смысле Ленкевич оказывается ближе к первой, «немецкой» группировке. Напротив, И. Пнин в своих философских одах стремится архаическую жанровую форму соединить с модернизированным языком и стилем. В немногочисленных стихах элегического плана Пнин вообще следует усредненной норме «нового слога»; здесь если и можно обнаружить какое-либо экспериментаторство, то не немецкого, а именно романского плана. В этом отношении Пнин, бесспорно, примыкал ко второму, «французскому», направлению. Лично близкий Борну Попугаев совершенно чужд его прогерманской эстетической позиции и его экспериментаторским устремлениям; в своих поэтических опытах он тяготеет скорее ко второй, «французско-карамзинской», группировке (на близость стихов Попугаева стихам Карамзина указывал еще Г. П. Макогоненко).

Разумеется, эта разнонаправленность литературных вкусов и устремлений не выражалась в прямой конфронтации и непрерывной борьбе группировок. Но все же она объективно существовала и сказывалась на отношениях членов Общества. Так, Востоков будет весьма положительно отзываться о стиховых экспериментах Борна, Волкова и Олешева, усматривая в них попытки обогатить русскую поэзию «приятными

размерами греков и римлян» и создать поэтические тексты, построенные на музыкально-симфонических основаниях (что делает излишним такое дополнительное и в общем обременительное украшение, как рифма). Напротив, во внутренней рецензии на «Опыты лирические» Востокова (представленные в Общество, кстати, 22 апреля 1805 года — в тот же день, что и стихотворение Батюшкова!) А. Измайлов, при общей высокой оценке дарования Востокова, высказал характерное замечание: «Белые его стихи, писанные латинскими и греческими размерами, хотя и нравятся мне, однако же не столько, как пиесы с рифмами, состоящие из одних ямбов. Может быть происходит сие действительно от того, что русские уши, как сказал где-то сам автор, не могут вдруг привыкнуть к гармонии греческих и латинских стихов, но мне кажется, что ежели бы, например, *Фантазия*, *Песнь луне*, *Зима*, *Тленность* написаны были греческими или латинскими размерами, то я бы не восхищался при чтении их столько, сколько сие со мною случилось; и, чистосердечно сказать, я весьма бы желал, чтобы Г-н Востоков писал более хорееми и ямбами, нежели мерою Горация и Сафы»²⁷. Измайлов говорил не только от своего лица, но и от лица группы: впоследствии эти упреки почти слово в слово будут повторены в анонимной рецензии на «Опыты лирические» Востокова, появившейся на страницах издаваемого Н. Остолоповым «Любителя словесности»²⁸.

Эта разнонаправленность литературных устремлений приводила к выделению внутри Общества литературно-бытовых группировок, которые вовлекали в орбиту своего влияния и совсем молодых, начинающих литераторов, формально к Обществу не принадлежавших, но находившихся в курсе его интересов и внутренней жизни. Именно эта среда была основным резервуаром для пополнения Общества новыми членами.

«Классицисты-карамзинисты» встречались в 1800-е годы не только на официальных собраниях Общества, но и на литературных вечерах Н. П. Брусилова. О характере брусиловских вечеров можно судить по воспоминаниям Н. И. Греча, относя-

²⁷ Петухов Е. В. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. Х. Востокова. С. 91. Отзыв Измайлова датирован 6 мая 1805 года.

²⁸ В своей неопубликованной диссертации я попытался обосновать авторство Измайлова. См.: Проскурин О. А. А. Е. Измайлов и литературная жизнь первой трети XIX века. Дисс. ... канд. филол. наук. (Машинопись). МГУ, 1984. С. 187–188.

щимся как раз к тому периоду, когда Батюшков предпринял свою первую попытку вступить в Вольное общество. Рассказывая о своем литературном дебюте — публикации двух филологических статей в «Журнале российской словесности», Греч сообщает: «По этому случаю познакомился я с Н. П. Брусиловым и находил у него приятное общество — В. М. Федорова, К. Н. Батюшкова, Н. Ф. Остолопова, А. Е. Измайлова, И. П. Пнина»²⁹. Юный Батюшков, конечно, не мог играть в этом кружке сколько-нибудь заметной роли; несомненно, он выступал, в основном, в амплу благодарного слушателя и приятного молодого собеседника. Роль корифеев принадлежала иным лицам: не случайно Греч тут же вспоминает о «милой наставительной беседе» И. П. Пнина...

Итак, благодаря мемуарам Греча мы можем почти с полной уверенностью утверждать, что в 1805 году Батюшков сближается с кружком Брусилова. Вряд ли это произошло многим раньше, да вряд ли многим раньше оформился и сам кружок: Брусилов делается членом Вольного общества только в 1804 году и, видимо, только с этого времени начинает играть известную роль в литературном мире...

Фактическим органом кружка был издававшийся Брусиловым «Журнал российской словесности». Это было издание с ярко выраженной прокарамзинской ориентацией. В журнале господствовал настоящий культ Карамзина (что бы ни утверждали новейшие исследователи, стремящиеся объявить «Журнал российской словесности» чуть ли не центром антикарамзинизма). Уже в первых номерах журнала за 1805 год (то есть прочитанных Батюшковым до объявления о решении вступить в Вольное общество) молодой поэт мог встретить множество свидетельств почтительно-приятного отношения издателя и авторов к московскому писателю.

В «Письме деревенского жителя о Воспитании» Батюшков, например, мог найти пассаж, свидетельствовавший о полной поддержке журналом литературно-языковой позиции Карамзина: «В лучших обществах везде употребляется язык Французской, редкая дама большого света имела понятие о Руской Словесности прежде эпохи г. Карамзина — он первой начал писать приятно и познакомил любезных дам с Рускою Словесностию»³⁰. В том же номере, в библиографических

²⁹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990. С. 164.

³⁰ Журнал Российской словесности, 1805, № 1. С. 23.

«Известиях», среди новых книг упоминались «Сочинения Н. М. Карамзина, любимейшего русского писателя»³¹. В этой библиографической заметке буквально каждый штрих и каждая деталь исполнены особого смысла. Следует обратить внимание уже на то, что среди рассматриваемых авторов только трое — Г. Р. Державин, М. М. Херасков и Н. М. Карамзин — обозначены *инициалами*; все остальные названы только по фамилиям — г. Яновский, г. Измайлов, г. Бобров и проч. Инициалы здесь — конечно, знак подчеркнутой почтительности. Важен и характеризующий писателя эпитет с сильной экспрессивно-оценочной окраской; даже херасковская «Бахаряна» фигурирует в списке только как «сочинение известного нашего Поэта»; лишь Державин удостоен характеристики, сопоставимой по степени комплиментарности с той, что была дана Карамзину: «...одно имя сего славного Поэта сказывает все, что можно сказать в пользу сей книги»³².

В 3-м номере журнала, в брусилковском «Путешествии в Храм Вкуса», была предпринята попытка построения русского литературного пантеона. Парад авторов, открытый Ломоносовым, завершается явлением Карамзина, который, таким образом, оказывается замыкающим в недлинном ряду русских классиков. Характеристика карамзинских творений исполнена восхищения и имеет характер демонстративной апологии: «*Аглая, Лиза, Марфа Посадница*, и прочие творения писателя, сделавшего славнейшую эпоху в Руской Словесности, писателя, столь сильно, убедительно говорящего человеческому сердцу, не смотря на все усилия завистников, старавшихся очернить истинный талант, лежали на жертвеннике вкуса»³³.

Рядом с этими панегириками в журнале публиковались прямые подражания Карамзину и Дмитриеву: во 2-м номере, например, была напечатана сатира Остолопова «Признание» — близкая вариация дмитриевского «Чужого толка»...³⁴ Таковы были литературные симпатии той среды, в которой оказался Батюшков в 1805 году.

³¹ Журнал Российской словесности, 1805, № 1. С. 54.

³² Журнал Российской словесности, 1805, № 1. С. 53.

³³ Журнал Российской словесности, 1805, № 3. С. 137.

³⁴ Журнал Российской словесности, 1805, № 2. С. 98–104.

«ДЕЛО О ПРИНЯТИИ г. БАТЮШКОВА»

Скорее всего именно посещение частных вечеров Брусилова, на которых обсуждались дела и планы Вольного общества, побудило Батюшкова вступить в Общество формальным порядком. Он имел основания полагать, что и там встретит такую же приятную компанию, что и у Брусилова, пополненную к тому же его сослуживцами (Языков, Радищев) и еще несколькими литераторами — возможно, знакомыми ему по дому Михаила Муравьева...

Почему, однако, Батюшков не пожелал ограничиться дружеским кружком и «домашними» контактами? Ведь, если верить, например, современному историку литературы В. А. Кошелеву (особенно настойчиво отстаивающему соответствующую точку зрения), Батюшков по природе своей был одиночкой, в сущности враждебным всем литературным группам и объединениям³⁵. Однако «одиночкой» Батюшков не был. Уже достигнув славы, он с явным удовольствием перечислял (в записях «для себя»!) литературные и ученые общества, членом которых был он избран. Тем больше должно было льстить ему избрание в столичное литературное объединение в самом начале литературной карьеры. Изъявив желание вступить в Вольное общество, Батюшков рассчитывал утвердить себя — и в собственных глазах, и в глазах публики — в статусе *настоящего литератора*.

По всей вероятности, намерение его было поддержано (если не инспирировано) посетителями брусиловских вечеров, в первую очередь самим Брусиловым. Во всяком случае, как мы помним, именно Брусилов объявил Обществу о желании молодого поэта вступить в его ряды. Он же представил на суд сочленов стихотворение, на основании которого Батюшков рассчитывал быть избранным.

Как же развивались дальнейшие события?

К сожалению, протоколы Вольного общества любителей словесности, наук и художеств за 1805 год утрачены, и мы не знаем, кто участвовал в заседаниях, на которых обсуждался вопрос о приеме Батюшкова. Не знаем мы и кое-каких процедурных нюансов (определений, вынесенных по этому вопросу).

³⁵ См., например: Кошелев В. А. В предчувствии Пушкина: К. Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века. Псков: Изд. Псковского областного института усовершенствования учителей, 1995. С. 35–51.

Однако отсутствие протоколов частично компенсируется сохранившимся «Делом о принятии г. Батюшкова в члены общества», включающим выдержки из протоколов соответствующих собраний³⁶. Этих выписок вполне достаточно для реконструкции пропущенных звеньев в истории первой попытки Батюшкова стать членом ВОЛСНХ. Все выписки сделаны рукой секретаря общества Д. Языкова и заверены его подписью, за исключением отзыва А. Востокова, который сохранился в подлиннике. Под мнением Востокова поставил свою собственноручную подпись и президент Общества И. М. Борн.

Приводим полностью этот важный документ (для полноты картины включая и отзыв Востокова, свыше ста лет назад опубликованный Е. Петуховым):

1805 — апр. 22

Дело
о принятии Г. Батюшкова
в члены общества.

Выписка из журнала: № 9. апр. 22. 1805.

Статья 2

Г. Брусилев читал сочинение Г. Батюшкова под названием: Сатира, подражание французскому, с объявлением, что Г. Батюшков желает быть членом Общества. Определено: Сочинение отдать на рассмотрение Цензоров, которым подать об оном свое мнение, а Г. Батюшкову доставить письмо с изъявлением его желания быть членом Общества. В следствие сего сочинение взято Цензором Востоковым.

Верно: Д. Языков.

Читано в Собрании 6 Маия 1805.

Голос цензора Востокова
о принятии Г-на Батюшкова в члены Общества.

Я рассматривал представленную Г-ном Батюшковым «Сатиру, подражание французскому» — не худое подражание, писанное

³⁶ Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета. Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Д. № 157. Л. 1–4. Пользуюсь случаем, чтобы выразить искреннюю (хотя и запоздалую) признательность А. Х. Горфункелю и Н. И. Николаеву, в свое время любезно содействовавшим моей работе с документами ВОЛСНХ.

с довольною легкостию: но для вступления молодому Автору в Общество, надобно по моему мнению, чтоб он Обществу представил еще что нибудь из трудов своих, и притом если можно, своего собственного сочинения.

Маия 6-го дня
1805.

Ц. Алекс. Востоков.
Ив. Борн.

Выписка из мнения Цензора Радищева,
поданная им 17 Июня, о стихах Г. Батюшкова
под названием: Сатира.

Стихи Г. Батюшкова я также рассматривал и нашел их довольно хорошими; но узнав от него, что он намерен их переделать, я думаю, что их должно возвратить ему.

(Подлинник находится в деле о Ленкевиче)

= верно: Д. Языков.

Выписка из мнения Цензора Измайлова,
поданное (sic! — О. П.) им 1 Июля о том же.

Мнение мое в рассуждении сей пиесы совершенно согласно с мнением прочих Господ наших Цензоров. Я даю так же как и они свой голос на принятие в Члены нашего Общества Г. Батюшкова и так же как они думаю, что бы Г. Батюшков должен был представить в общество новые опыты трудов своих, которые бы были важнее первого.

Сатира Г. Батюшкова писана с легкостию и стихи в ней плавны. Есть однако же и в сей пиесе некоторые погрешности, напр. сряду 4 женских стиха:

Доволен всяк умом, фортуною ни мало;
Что нравилось сперва, теперь то скучно стало.
Кто почестей из нас и злата не желает?
Но и сквозь золото кто слез не проливает?

Последний стих содержит в себе ту же самую мысль, какая заключена в простонародной нашей пословице: *и через золото слезы текут*. Пословица сия более мне нравится, потому что слезы *через золото* течь могут, а не сквозь.

Далее Г. Батюшков говорит о каком-то Г. Брамербасе так:

Заплюет всем глаза герой наш плодовитый.

«Не худое подражание»

Подобных выражений по моему мнению должно избегать не только в хороших стихах, но и в хорошем разговоре.

Сверх того кажется мне, что Г. Батюшков переменял напрасно 3 стих в начале своей Сатиры. Прежде у него было:

Забудем мы мой друг, забудем вовсе свет;
В нем счастья для нас, поверь мне, Хлоя, пет.
Оно не в городах, но в сердце обитает.
Счастлив кто с дружбою одной лишь жить желает NB

<На полях выноски: NB для чего не: одною жить желает.>

Теперь вместо 3-го стиха написан у него следующий:

Счастлив, кто в хижине покойной обитает.

Стих сей, по моему мнению, несравненно слабее прежнего. Повидимому Г. Батюшков переменял его для того, чтобы вышла у него фигура повторения, ибо теперь два стиха сряду начинаются одним словом: *счастлив*; но таковую фигуру никогда употреблять без нужды не должно, а особливо часто. У Г-на же Батюшкова в четырех стихах употреблена сия фигура два раза, т. е. в первом:

забудем мы, мой друг, *забудем* во все свет.

да в 3 и 4-м, которые, как выше сказано, имеют у себя в начале слово: *счастлив*.

В заключение сих строк нужным почитаю еще упомянуть один раз, что пиеса Г. Батюшкова не смотря на свои недостатки довольно хороша, и он достоин вступить в наш круг, тем более, что Общество со временем может ожидать от него гораздо больших плодов.

(Подлинное там же).

= верно: Д. Языков.

Июля 8. № 15

Статья 7.

Цензор Радищев объявил, что Г. Батюшков желает, чтобы возвратили ему представленное чрез Г. Брусилова Сочинение его под названием Сатира, по чему и отдана она Г. Радищеву.

верно: Д. Языков.

Опираясь на приведенные материалы, мы можем теперь установить многие факты, позволяющие уточнить, а во многом — кардинально пересмотреть сюжет «Батюшков и Вольное общество в 1805 году».

Прежде всего, у нас есть теперь достаточно оснований для того, чтобы попытаться реконструировать состав участников тех заседаний, на которых рассматривалось дело о приеме Батюшкова. Шесть имен нам дает само дело: это И. М. Борн (председатель), Д. И. Языков (секретарь), Н. П. Брусилов (предложивший кандидатуру Батюшкова), А. Х. Востоков, Н. А. Радищев, А. Е. Измайлов (цензоры). С большой степенью уверенности можем присоединить к этому перечню: В. В. Попугаева, до 1807 года почти не пропускавшего заседаний, как можно судить по сохранившимся протоколам; Н. Ф. Остолопова, тоже завсегдатая собраний; А. А. Писарева, в ту пору бывавшего в Обществе очень аккуратно, и, возможно, кого-нибудь из художников. Больше десяти человек, как уже говорилось, на заседаниях Общества в те годы собиралось редко, да и то в самых экстраординарных случаях. И. П. Пнина (которого юный Батюшков почитал) среди присутствующих скорее всего не было: к обязанностям члена он относился прохладно, на заседаниях бывал редко и даже заслужил за то порицание от Общества... Тем не менее расклад сил для Батюшкова был скорее благоприятный: большинство участников этих собраний уже были знакомы с юным поэтом.

КОМУ «ПОДРАЖАЛ» БАТЮШКОВ В СВОЕМ «ПОДРАЖАНИИ»?

Какое же сочинение представил Батюшков на суд цензоров Вольного общества? Как мы помним, от Е. Петухова до наших дней исследователи были уверены в том, что это «Перевод 1-й Сатиры Буало». К сожалению, однако, Е. Петухов, увлеченный бумагами Востокова, не догадался прочесть находившийся рядом отзыв Измайлова, который обильно уснащен цитатами из разбираемого сочинения. По этим цитатам нетрудно было бы установить, что под названием «Сатира» Батюшков представил Обществу отнюдь не перевод Буало, а совсем другой текст — стихотворение, известное ныне под заголовком «Послание к Хлое».

Это послание было впервые опубликовано Л. Н. Майковым по рукописи из собрания П. Н. Тиханова, принадлежавшей некогда М. Е. Лобанову. В рукописи текст имел загадоч-

ный подзаголовок: «Подражание». Смысл этого подзаголовка Л. Н. Майков объяснял так: «Находящуюся в той же рукописи приписку к заглавию, что „Послание“ есть „подражание“ какому-то чужому произведению, можно объяснить сходством пьесы Батюшкова с сатирическим стихотворением В. Л. Пушкина «Вечер» (Аониды, кн. III), где также, как у нашего поэта, выводится ряд типов светского общества»³⁷. Д. Д. Благой был более осторожен в определении объекта подражания, но, как кажется, тоже склонен был считать таковым произведение русской поэзии: «Трудно сказать, кому специально подражал Батюшков в своем „Послании“. Мотивы ухода „из города“, от „шумного“ „света“, в деревню, в „мирную хижину“ были общим местом карамзинистской поэзии»³⁸. Н. В. Фридман в общем принял толкование Майкова³⁹.

В рукописи, представленной Вольному обществу, текст, как мы могли убедиться по отзывам, имел несколько иной подзаголовок: «Подражание *французскому*». Следовательно мнение Л. Н. Майкова о том, что Батюшков намекал на свою зависимость от В. Л. Пушкина, приходится оставить. Но какой же французский текст послужил источником для батюшковской «Сатиры»? Этот источник, по счастью, удалось установить. Объектом подражания для начинающего поэта послужило знаменитое сочинение Вольтера *Epitre a Madame Denis, niece de l'auteur. La vie de Paris et de Versailles*. Сравнение текстов обнаруживает разительные параллели, позволяющие говорить о том, что стихотворение Батюшкова куда ближе к оригиналу, чем обычно бывает подражание:

Четыре бьет часа — и кончился обед:
Из дому своего Глицера поспешает,
Чтоб схать, — а куда? — беспечная не знает.
Карета подана, и лошади уж мчат.
«Постой!» — она кричит, и лошади стоят.
К Лаисе входит в дом, Лаису обнимает,
Садится, говорит о модах — и зевает;
О времени потом, о карточной игре,
О лентах, о пере, о платье и дворе.
Окончив разговор, который истощился,

Après dîner l'indolente Glycère
Sort pour sortir, sans avoir rien à faire;
On a conduit son inspidité
Au fond d'un char <...>
Chez son amie au grand trop elle va,
Monte avec joie, et s'en repent déjà,
L'embrasse, et baille <...>
Quelques propos sur le jeu, sur le temps,
Sur un sermon, sur le prix des rubans,
Ont épuisé leurs âmes excédées;

³⁷ Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 1. С. 306 (2-я пагинация).

³⁸ Батюшков К. Н. Сочинения. Ред., вступ. статья и комментарии Д. Д. Благого. С. 553.

³⁹ Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. С. 264.

От скуки уж поет. Глупонов тут явился,	Elles chantaient déjà, faute d'idées.
Надутый, как павлин, с пустою головой,	Dans le néant leur coeur est absorbé;
Глядится в зеркало и шаркает ногой.	Quand dans la chambre entre monsieur
Вдруг входит Брумербас; все в зале замолкает.	l'abbé,
Вступает в разговор и голос возвышает:	Fade plaisant, galant escroc, et prêtre,
«Париж я верно б взял, — кричит из всех	Et du logis pour quelques mois le maître.
он сил, —	Vient à la piste un fat en manteau noir,
И Амстердам потом, гишпанцев бы разбил...»	Qui se rengorge et se lorgne au miroir.
Тут вспыхнет как огонь, затопают ногами,	Nos deux pédans sont tous deux sûrs
Пойдет по комнате широкими шагами<...>	de plaire;
Но вдруг смиряется, и бросив взгляд сердитый;	Un officier arrive et les fait taire,
Начнет рассказывать, как турка задавил,	Prend la parole, et conte longuement
Как роту целую янычаров убил,	Ce qu'a Plaisance eût fait son regiment,
Турчанки нежные как все в него влюблялись,	Si par malheur on n'eût pas fait retraite.
Как турки в полону от злости запыхались,	Il vous le mène au col de la Boquette;
И битые часа он три проговорит!..	A Nice, au Var, a Digne il le conduit:
Никто не слушает, а он кричит, кричит! ⁴⁰	Nul ne l'écoute, et le cruel poursuit! ⁴¹

Собственно говоря, источник стихотворения Батюшкова был впервые установлен семьдесят лет назад, но, в силу обстоятельств, это открытие не было обнародовано. 29 июня 1927 года молодой П. Лукницкий по свежим следам записал разговор с Анной Ахматовой, начавшей тогда всерьез заниматься историей русской поэзии: «Вот сейчас она при мне нашла „слово“ для выражения ее понимания методов творчества Пушкина — горн, переплавляющий весь материал, которым Пушкин поль-

⁴⁰ Батюшков К. Н. Сочинения в двух томах. М.: Художественная литература. 1989. Т. 1. С. 342.

⁴¹ Oeuvres complètes de Voltaire. Tome treizieme. A Basle. De l'Imprimerie de Jean-Jaques Tournisen. 1785. P. 144–145. (Перевод: 'После обеда беспечная Глицера // Выезжает, просто чтобы выехать, безо всякой цели, // Препровождая свою блеклость // В глубь кареты <...> // Она резво бежит к подруге, // Подымается в радости, но уже в раскаянии, // Когда целует ее — и зевает <...> // Разговор об игре, о погоде, // О проповеди, о ценах на ленты // Исчерпал их утомленные души. // Они уже поют, за отсутствием мыслей. // Сердца их погружены в ничтожество; // И тут в гостиную входит господин аббат, // Пошлый угодник, галантный мошенник, да еще и священник, // И властелин этой гостиной на несколько месяцев. // Ему вослед — фат в черном плаще, // Он, выпятив грудь, лорнирует себя в зеркале. // Оба наших педанта уверены в том, что неотразимы; // Тут входит офицер и заставляет их умолкнуть, // Он вступает в разговор и долго рассказывает, // Как стоял со своим полком в Плезансе, // Если, по несчастью, не был оставлен. // Он ведет вас на вершину Бокетты, // Он сопровождает вас в Ницу, в Вар, в Динь: // Никто не слушает, а жестокий все продолжает').

зуется. Например, когда он пользуется материалом иностранных авторов. После „переплавки“ получается нечто совсем новое — чисто пушкинское. Попадают, правда, иногда — непеплавленные зерна, но это еще больше украшает, придает прелести. Батюшков, вообще все современники Пушкина — не переплавляют материал, а только ставят его в тепленькую печь, подогревают, чуть-чуть обновляют, но не меняют состава — он остается тем же. (Пример: «Послание Хлои» <sic! — О. П.> Батюшкова, ак. изд. I том. Кстати, перевод из Вольтера — чего не знали академики — см. акад. изд.)»⁴².

Речь здесь, конечно, идет о «Послании к Хлое»: Лукницкий записывал со слуха и потому воспроизвел название неточно. Вряд ли можно сомневаться в том, что, называя послание Батюшкова «переводом из Вольтера», Ахматова имела в виду именно «Послание к мадам Дениз». Ахматова очередной раз продемонстрировала и остроту своего литературного зрения (она действительно увидела то, чего не заметили дотошные «академики»), и способность дать блестящую в своей емкой точности характеристику.

В самом деле, текст Батюшкова — это подновление «без перемены состава». Местами это почти точный перевод (сохранено даже имя героини), местами — вариация, слегка русифицирующая свой источник (Батюшков в обращении с материалом следует установившейся традиции). Характерно, что из текста Батюшкова исключена проповедь как одна из тем болтовни двух подруг и фигура *monsieur l'abbé* — в России (даже «дней Александровых прекрасного начала») недостаточно почтительное упоминание духовенства было невозможно не только в печати, но и в любом публичном чтении...

Решение представить на суд Вольного общества вольный перевод из Вольтера, думается, было не случайным, а наоборот, достаточно тщательно обдуманым актом, выдающим определенную, хотя и несколько наивную, тактику. Вольтер, несмотря на недавние «ужасы», которые связывались с его именем и учением, продолжал пользоваться авторитетом и широкой популярностью в различных литературных кругах начала XIX века. Не было исключением и Вольное общество: еще в 1799 году перевод «Похвалы баснословия» и «Телемы и Макара» выполнил А. Х. Востоков; басня «Пчелы» переведилась Д. Ф. Бринкенем. Однако настоящий культ Вольтера

⁴² Лукницкая В. Перед тобой земля. Л.: Лениздат, 1988. С. 346.

царил в кружке, группировавшемся вокруг Брусилова. Вольтер здесь ценился и как «свободный ум» и «светоч века», и как блестящий литератор, образцовый версификатор и почти безусловный эстетический авторитет. Именно наследие Вольтера казалось тем фундаментом, на котором можно было воздвигнуть здание новой русской словесности, соединяющее эlegantность и ясность позднего французского классицизма с утонченностью новейшего карамзинского партикуляризма.

Кружковое вольтерьянство оставило свой след и в материалах брусиловского «Журнала российской словесности». В первых трех номерах журнала (бывших в руках Батюшкова до того, как он изъявил желание вступить в Вольное общество) наш поэт мог обнаружить многочисленные свидетельства культа Вольтера. Главным адептом фернейского мудреца был сам издатель, Брусилов. В его статье «Нечто о критике», по сути очерчивающей программу журнала, Вольтер упоминается трижды, причем с величайшим пиететом. Цитата из Вольтера включает брусиловскую статью, подытоживая ее идеи: «Вольтер заметил, что лучше платить дань *справедливости* и *здравому рассудку*. В сих словах Вольтера заключаются главнейшие правила критики»⁴³. Цитата из Вольтера суммирует и другую статью Брусилова — тоже программную — «Письмо к приятелю о Русском театре» («Mais il faut que le beau soit rare, sans quoi il cesseroit d'être beau, сказал Вольтер — и сказал истинну»⁴⁴). Наконец, публикуя свою критическую аллегорию «Храм вкуса», Брусилов в особом примечании указал на источник, послуживший для него образцом: «Вот безделка, которая занимала меня в праздные часы. — Это ни что иное, как слабое подражание Вольтеру. Le temple de gout Вольтера (sic! — О. П.) писан и прозой и стихами вместе. Не будучи стихотворцем, я не мог следовать сему. Мне хотелось только в сем легком опыте показать лучших наших писателей»⁴⁵.

Апелляциями к авторитету Вольтера дело, однако, не ограничивается: в журнале широко публикуются *переводы* вольтеровских сочинений. Во 2-м и 3-м номерах напечатаны «Извлечения из сочинений Вольтера» (эссенция из «Вопросов в связи с Энциклопедией»); во 2-м номере увидел свет выполненный Н. Остолоповым перевод знаменитой эпиграммы *Imitée de*

⁴³ Журнал Российской словесности, 1805, № 1. С. 9.

⁴⁴ Журнал Российской словесности, 1805, № 2. С. 70.

⁴⁵ Журнал Российской словесности, 1805, № 3. С. 126–127.

l'Anthologie («В один из летних дней // Ужалил нашего Фрерона змей. // Что ж вышло из того? Кто это отгадает? // Фрерон живет — змей издыхает!»)⁴⁶. Здесь же предполагалось опубликовать перевод эпиграммы на Лэфрана де Помпильяна, но он не был пропущен цензурой⁴⁷.

Вся эта «вольтерофильская» атмосфера, видимо, во многом предопределила выбор Батюшкова. Во-первых, перевод-переделка из Вольтера вполне укладывался в рамки эстетических пристрастий кружка. Во-вторых, выбор Вольтера в качестве объекта имитации не противоречил интересам и пристрастиям Общества в целом. Наконец, в-третьих, тон и жанр послания соответствовали интересам и наклонностям молодого Батюшкова, который, судя по сохранившейся поэтической продукции середины 1800-х годов, осознавал себя в это время прежде всего *сатириком* на французский лад, в духе Буало и Вольтера. Да и вообще Вольтера он в ту пору любил. Строка из написанного вскоре послания «К Филисе» — «Тут Вольтер лежит на Библии» — явно не только дань штампам французской «легкой поэзии».

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ПРЕПОНЫ

Батюшков, казалось бы, имел все основания рассчитывать на благосклонный прием. События, однако, неожиданно приняли другой оборот. Материалы «Дела...» позволяют убедиться в том, что Батюшков не был принят в Общество ни 22 апреля (как принято считать с легкой руки Д. Д. Благого), ни даже 6 мая (как можно было бы заключить на основании восточковского отзыва, обнародованного Е. Петуховым). «Избирательная кампания» растянулась на полтора месяца.

Первый цензор — А. Х. Востоков — оказался неожиданно суровым. Признав за представленным опусом известные достоинства («не худое подражание», «писано с легкостью»), Востоков в то же время вполне недвусмысленно указал на то, что «Сатира» *не может* служить достаточным основанием для избрания Батюшкова в действительные члены, и предложил юному поэту представить другое сочинение — уже вполне оригинальное. Что послужило основанием для столь строгого

⁴⁶ Журнал Российской словесности, 1805, № 2. С. 112.

⁴⁷ Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер: XVIII — первая треть XIX в. Л.: Наука, 1978. С. 148.

решения? Формальное несовершенство текста? Судя по отзыву, нет. Самый факт того, что молодой автор представил подражание, а не оригинальный текст? Судя по отзыву, как будто да. Однако во второй половине апреля 1805 года, буквально накануне сурового отзыва на стихи Батюшкова, Востоков «подал голос на избрание» в члены Общества Ф. И. Ленкевича, представившего перевод (не подражание даже, а перевод!) начала 4-й песни «Энеиды»⁴⁸. Судя по востокскому отзыву, стихотворная техника Ленкевича находилась примерно на уровне молодого Батюшкова («от 13-го до 16-го стиха сряду четыре женские; а после 21-го стиха к рифме Эней недостает другой рифмы»).

Насколько можно судить, за суровым отзывом Востокова скрыта определенная эстетическая позиция. Переводы и подражания культивирует и «германское» крыло Вольного общества — Борн, Волков и сам Востоков. Однако это переводы особого рода, призванные «обогащать» русскую поэзию новыми метрами и строфическими формами, новыми ритмическими решениями традиционных размеров (как у Борна), новыми жанрами, наконец новыми (чаще всего «важными») темами. Видимо, «важностью» темы и жанра привлек Востокова и одобренный им перевод Ленкевича. Подражание же Батюшкова не устроило его именно тем, что это *подражание французскому*, то есть особый, уже устоявшийся и уже окостеневший «легкий» жанр. Такой жанр предполагает варьирование давно известных тем (Гораций сквозь призму французской традиции, адаптированной русской поэзией XVIII века) и форм (автоматизированный шестистопный ямб с тривиальными, как правило — бедными рифмами). Такое подражание неизбежно должно было казаться Востокову непродуктивным, не заключающим в себе ничего оригинального и не привносящим ничего принципиально нового в русскую поэзию.

Это мнение имплицитно выражало эстетические принципы всей «германской» линии Вольного общества. Не случайно востокский голос, по сути, был поддержан близким к этой позиции президентом Общества И. М. Борном.

Мнение Востокова, видимо, тогда же было сообщено Батюшкову. Он, однако, не последовал совету Востокова (почему — это

⁴⁸ Петухов Е. В. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. Х. Востокова. С. 89. Ленкевич представил также перевод фрагмента из политического трактата Шлецера и «Стихи на новый 1805 год». Однако эти тексты всерьез не рассматривались никем из рецензентов; внимание привлек только перевод фрагмента из «Энеиды».

особый вопрос), но решил забрать свое стихотворение для переделки. Это избавило другого цензора, осторожного, не любившего эксцессов и к тому же связанного с Батюшковым приятельскими и служебными узами, — Н. Радищева — от сколько-нибудь определенных суждений по поводу переданного ему сочинения. Он ограничился самой общей и притом туманной характеристикой представленных стихов («нашел их довольно хорошими»), известил Общество о намерении Батюшкова и умыл руки. Новый, исправленный вариант «Сатиры» поступил на рассмотрение к третьему цензору — А. Е. Измайлову.

Измайлов — вероятно, уже знакомый с Батюшковым по вечерам у Брусилова (см. воспоминания Греча) — оказался в сложном положении. С одной стороны, он питает к юному автору дружеское расположение и бесспорную симпатию. Он не только не имеет намерения провалить его, но явно желает поддержать первые шаги начинающего сочинителя. Отсюда — похвалы «легкости» пьесы и «плавности» ее стихов (похвалы, кажущиеся ныне преувеличенными: качество сочинения Батюшкова совершенно ученическое, даже и по меркам начала XIX века. Иное дело, что и сам Измайлов — автор более опытный — писал тогда немногим лучше).

Вместе с тем Измайлову вовсе не хотелось оспаривать компетентность других цензоров (прежде всего Востокова): отсюда — повторение востоковской рекомендации «представить в Общество новые опыты трудов своих». Однако эти «новые опыты» не должны быть условием приема: Измайлов ожидает их от Батюшкова уже как от действительного члена. Измайлов оказался единственным из цензоров, кто счел возможным прямо заявить о необходимости принять Батюшкова в Общество. При этом он почтительно сослался на мнение прочих «Господ Цензоров» — что нельзя объяснить иначе, как простодушным лукавством: даже Радищев не высказался на сей счет с какой-либо определенностью, а Востоков (поддержанный президентом Борном!), как мы помним, непременно условием приема поставил предоставление кандидатом нового сочинения!..

Кроме того, Измайлов, вовсе не заостряя внимания на подражательном характере пьесы и не ставя этого в вину молодому автору (в отличие от Востокова), не мог не отметить и слишком явных для него погрешностей. Список этих погрешностей сам по себе весьма интересен: он как бы эксплицирует

эстетические ориентиры той группы внутри Вольного общества, которые Батюшков, видимо, имел в виду, создавая свой текст. Прежде всего, это необходимость следовать устоявшимся версификационным правилам — вроде правила альтернанса (Батюшков, употребив «сряду четыре женских стиха», явно не намеревался производить версификационной революции: это, конечно, обычный недосмотр начинающего стихотворца). Далее, это требование семантической точности и грамматической ясности выражения («слезы *через золото* течь могут, а не *сквозь*»). Наконец, Измайлов выдвигает требование меры (анафору «употреблять без нужды не должно, а особливо часто»).

Особенно интересен упрек в использовании «выражений», коих «должно избегать не только в хороших стихах, но и в хорошем разговоре». Читатель, хоть сколько-нибудь знакомый с литературной репутацией авторов первых десятилетий XIX века, не сможет не оценить особой пикантности этого упрека. В злоупотреблении выражениями, не допустимыми в «хорошем разговоре», обвиняется «сладкозвучный и благоуханный» Батюшков! И кем? «Русским Теньером», «писателем не для дам», сочинителем, не раз впоследствии укорявшимся за «частое употребление слов, каковы: каналья, бестия, вор, мошенник, дьявол, плут, и проч., и проч., и проч.». Однако в 1800-х годах будущий создатель образа отставного квартального Пьянюшкина — куда больший пурист, чем будущий творец «Умиряющего Тасса». Начинающий поэт еще не очень тонко чувствует стилистический контекст жанра (как он понимается «французско-карамзинской» группой) и, как следствие, способен еще уснастить «высокую» сатиру выражением из арсенала «низкой» поэзии XVIII века.

Усилия молодого Измайлова, добродушно журящего своего совсем юного собрата, направлены на то, чтобы тверже наставить его на пути «усредненной» поэтической традиции, сочетающей позднеклассический идеал гладкости и ясности с карамзинистским требованием вкуса, — то есть на пути, отличном от того, который был бы привлекателен для Востокова и его друзей.

Отзыв заканчивается повторным утверждением, что пьеса Батюшкова «довольно хороша» и что автор ее достоин вступить в круг членов Вольного общества, дабы со временем обогатить его более зрелыми плодами своего пера... Измайлов опять использовал незамысловатый тактический прием, при-

званный скорректировать «голос» Востокова (по форме даже как бы присоединяясь к нему). Трудно сказать, чего больше в этом отзыве: знаменитого измайловского добродушия или эстетической проницательности, позволившей увидеть в неопытном стихотворце будущего большого Поэта...

После отзыва Измайлова перспективы для Батюшкова складывались совсем не безнадежно и, пожалуй, даже благоприятно. При баллотировке он мог рассчитывать на большинство голосов. Но дело приняло другой оборот. Батюшков, очевидно, не был готов к такому течению событий. Вместо быстрого и общего признания, вместо формальной и почти автоматической процедуры приема (а именно так принимали членов еще в 1804 году!) он проходит через длительную и, конечно, ранившую его болезненное самолюбие процедуру рецензирования и обсуждения. Самое досадное для Батюшкова заключалось, видимо, в том, что представить иного, более «важного» сочинения он, скорее всего, не мог. Не мог по той причине, что у него такого сочинения попросту не было (в противном случае что мешало ему поступить так сразу же после высказанного Востоковым пожелания?). Представленное сочинение, по всей вероятности, принадлежало к числу самых первых поэтических опытов Батюшкова и, вероятно, было написано вскоре после «Послания к стихам моим» — его дебюта в печати. Хорошо известно, что Батюшков и в зрелые свои годы писал долго и трудно, многократно возвращаясь к уже написанному и создавая все новые и новые варианты. Быстро написать текст «по заказу» ему было не по силам...

Познакомившись с последним отзывом, и даже в нем не увидев безоговорочных похвал, уязвленный Батюшков забирает свою сатиру из Общества — не дожидаясь баллотировки. На этом, однако, злоключения «Сатиры» не заканчиваются. Получив текст своего опыта от Радищева, Батюшков... вновь начинает его переделывать! Во всяком случае, текст, вошедший в Лобановскую тетрадь (по которой он и был издан Л. Майковым), существенно отличается от обеих редакций, рассматривавшихся в Обществе (мы можем судить об этом по местам, параллельным тем, что были приведены в отзыве Измайлова). Некоторые исправления были явно вызваны стремлением учесть замечания Измайлова; некоторые суждения рецензента Батюшков, однако, оставил без внимания, а исправить «подряд четыре женские стиха» оказалось ему не

под силу; сохранилась и строчка о плюющемся Брумербасе, ранившая утонченный вкус Александра Ефимовича... Видимо, на этой же стадии переработки стихотворение получило новое заглавие — «Послание к Хлое» — и новый подзаголовок — «подражание». Подзаголовок маскировал иностранный характер источника, что должно было предупредить возможные упреки в неоригинальности.

Предлагать свою переделанную сатиру Обществу в третий раз Батюшков, однако, не стал. Попыток вступить в Вольное общество он в ближайшие годы уже не предпринимал — видимо, не желая подвергать новым испытаниям свое литературное самолюбие.

Итак, все странности, о которых шла речь в начале нашего этюда, получают свое объяснение: Батюшков не был избран действительным членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств ни в апреле, ни в мае, ни в июне 1805 года. До баллотировки дело попросту не дошло.

Это не помешало ему сохранить дружеские отношения со многими членами Общества — главным образом из числа тех, что собирались в доме Н. Брусилова, хотя и не только с ними. Контакты эти были не только бытовыми, но и литературными: впоследствии Батюшков будет довольно активно сотрудничать в журналах, издававшихся членами Общества. Но эволюция Батюшкова как поэта протекала уже вне прямого влияния Вольного общества.

ЭПИЛОГ

Несмотря на сохранявшиеся связи с Вольным обществом, Батюшков, похоже, надолго затаил обиду на того, кто мог представляться ему основным виновником «провала» в 1805 году. Речь идет об Александре Христофоровиче Востокове.

В свое время М. Г. Альтшуллер обнаружил в библиотеке РАН (тогда — Академии наук СССР) экземпляр «Опытов лирических» Востокова с чрезвычайно любопытной припиской рукой Батюшкова.

Возле заглавия стихотворения «К солнцу», которое начинается стихами:

Светило жизни здравствуй!
Я ждал тебя... —

чернилами вписано: «Немецкой ученой сидит в колпаке на кровле, свечка его догорела, другую засветить жаль, а писать надобно — но солнце явилось на востоке, и немец в восторге, сняв колпак свой сказал:

*Светило жизни здравствуй!
Я ждал тебя...».*

(Первые строки стихотворения подчеркнуты теми же чернилами). Игра продолжена на следующей странице, где в конце стихотворения точка исправлена на запятую и добавлено одно слово. Получилось:

Согрей лучом отрады
Скорбящу грудь,
Немца.

Внизу страницы характерным почерком Вяземского написано: «Стыдно Батюшков! Уважай в Востокове Поэта и Поэта, каких у нас мало. Да притом же это не ты сказал, а Дмитриев»⁴⁹.

М. Г. Альтшуллер датировал эту «полемику на полях» 1810–1811 годами, временем сближения Батюшкова с Вяземским. Предложенная датировка представляется вполне правдоподобной.

Вне зависимости от степени самостоятельности остроты Батюшкова (а то, что он варьировал или попросту повторял чужие шутки, с ним бывало),⁵⁰ самый характер ее показателен. Острота как бы обнажает и доводит до комического предела «немецкое» направление Востокова (воплощенное в самой поэтической форме стихотворения «К солнцу») — тот самый «германизм», который был резко противоположен литературным устремлениям самого Батюшкова и который, как поэт мог не без основания полагать, воспрепятствовал его приему в Вольное общество весной 1805 года.

⁴⁹ Альтшуллер М. Г. Поэтическая традиция Радищева в литературной жизни начала XIX века // XVIII век. Сб. 12: А. Н. Радищев и литература его времени. Л.: Наука, 1977. С. 128–129.

⁵⁰ Так, Пушкин на полях поэтического тома «Опытов в прозе и стихах» Батюшкова рядом с эпиграммой «Всегдашний гость, мучитель мой...» приписал: «Это не Бат<юшкова>, а Блуд<ова>, и то перевод» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XII. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 279). Эта помета, несомненно, имеет под собой какое-то основание.

Его действительным членом Батюшков станет только 8 февраля 1812 года (и выйдет из него в том же году, 16 мая)⁵¹. Но это уже будут другое общество, другая литературная эпоха — и другой Батюшков.

⁵¹ *Проскурин О.* «Победитель всех Гекторов халдейских»: К. Н. Батюшков в литературной борьбе начала XIX века // Вопросы литературы, 1987, № 6. С. 83–84. В этой статье я, между прочим, впервые кратко изложил и историю неудачной попытки Батюшкова вступить в Вольное общество в 1805 году (с. 64–65), со ссылками на архивные документы, но без их воспроизведения. Введенная мною информация была принята на вооружение специалистами, см.: *Кошелев В. А.* «Приятный стихотворец и добрый человек...» // Батюшков К. Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 11; *Сандомирская В. Б.* Батюшков // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 175. В настоящее время она стала достоянием и мирового славистического сообщества. См.: *Pil'shchikov, Igor' A. and T. Henry Fitt.* Konstantin Nikolaevich Batiushkov // Russian Literature in the Age of Pushkin and Gogol: Poetry and Drama (=Dictionary of Literary Biography. Volume 205). Edited by Christine A. Rydel. Detroit; Washington; London: A Bruccoli Clark Layman Book, 1999. P. 23. Тем не менее, в ряде изданий по-прежнему утверждается, что Батюшков стал членом Вольного общества в 1805 году. См., например: *Русские поэты XIX века: Антология для студентов.* Сост. профессор Эмиль Дрейцер. Tenaflu, NJ: Hermitage, 1999. С. 17. Хочется верить, что приведенные документы положат конец всяким домыслам на сей счет.